

УДК 94 (57)

DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.27.27>

Коренное население Сибири и Степного края как «субалтерны» империи в общественно-политическом дискурсе второй половины XIX – начала XX в.

М. К. Чуркин

Омский государственный педагогический университет, г. Омск

Аннотация. Раскрывается содержание общественно-политического дискурса о колонизации восточных окраин империи, одним из центральных вопросов которого стало обсуждение статуса коренного населения. Признание интересов коренного населения наиболее предметно репрезентировалось в либеральной публицистике, тогда как идеи русификации индигенных групп отстаивались в трудах адептов национал-консервативного направления дискурса. В процессе исследования установлено, что представления власти об инородцах формировались в тесной связи с ходом и текущими условиями «внутренней» колонизации. Аграрное переселение в Сибирь и в отдельные регионы Зауралья, в частности в Степной край, риторически включалось в идеологию «внутреннего империализма», а на стыке XIX–XX вв. стало рассматриваться задачей первостепенной государственной важности. Именно в связи с ростом массовых аграрных миграций, когда переселенческое движение приобретает повсеместный характер, идея «присвоения» территорий и идентификации коренных народов в качестве «субалтернов», транслируемая сторонниками национал-консерватизма, становится первоочередной на всех уровнях власти и общества, кардинально меняет отношение власти к коренному населению от патерналистских к собственническим.

Ключевые слова: коренное население, общественно-политический дискурс, империя, внутренняя колонизация, «субалтерны».

Для цитирования: Чуркин М. К. Коренное население Сибири и Степного края как «субалтерны» империи в общественно-политическом дискурсе второй половины XIX – начала XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2019. Т. 27. С. 27–35. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.27.27>

Исторический опыт российской колонизации достаточно широко представлен и отрефлексирован в отечественной историографии. Впервые оценка колонизационной составляющей российского исторического процесса была дана в работах В. О. Ключевского, сформулировавшего тезис, не потерявший своей правомочности и в наши дни, сообразно с которым «история России есть история страны, которая колонизируется» [3, с. 50]. В отличие от своего учителя и предшественника С. М. Соловьева, представившего лишь описание географического контекста русской колонизации, В. О. Ключевский рассматривал и другие ее аспекты: экономический, этнологический и социально-психологический [3, с. 26]. Все это в значительной степени способствовало усложнению понятия и сближению теоретических построений

российского историка с западными концепциями в оценке данного явления, в которых колонизационный процесс интерпретировался как искусство, «штучная» работа, не сводимая к простому механическому перемещению народных масс и хозяйственному освоению пустующих территорий [4]. В. О. Ключевский ввел в научный оборот термин «скрепа», означавший, что в ходе колонизационного продвижения на север, восток и северо-восток ойкумены решающая роль принадлежала государственным структурам, фиксировавшим результаты присвоения обширных территориальных пространств [3, с. 60–61].

В последнее десятилетие в научный оборот входит концепт «внутренняя колонизация», исследуемый в качестве знакового сюжета российского имперского опыта и обсуждаемый за пределами традиционных схем отечественного колонизационного процесса, сложившихся в историографическом дискурсе второй половины XIX – начала XX в., в центре которого располагались практики хозяйственного освоения и административного управления подведомственными государству территориями. В работах А. Эткина, Д. Уффельманна, И. Кукулина сформировалось определение внутренней колонизации как регулярных практик колониального управления и знания внутри политических границ государства. При этом подчеркивается, что перед нами – особый тип отношений между государством и подданными, в рамках которого государство воспринимает их как покоренных в ходе завоевания, а к собственной территории относится как к захваченной и загадочной, требующей заселения и «окультуривания», направляемых из одного центра [11; 15]. Перефразируя, можно говорить, что в условиях российской колонизации реализовывался вариант сложного доминирования, основными составляющими которого были: культурная экспансия, гегемония власти, а также ассимиляция в пределах государственных границ. Решение поставленных задач имперские власти осуществляли в интересах безопасности империи, поиска ресурсов обеспечения ее устойчивости, что выводило на первый план задачи колониального принуждения.

В этой связи особого внимания заслуживает проблема формирования «имперской ситуации» на окраинах государства, выявления признаков «имперскости», определивших содержание колонизационной программы, а также вариантов ее осуществления. Следует отметить, что одним из проявлений «имперскости» и реализации имперских практик на восточных окраинах страны становится «политика населения», предполагавшая активное вмешательство государства в этнодемографическую и конфессиональную ситуацию, направленное на урегулирование задач военно-мобилизационного характера.

Именно в такой системе координат происходит становление и структурирование дискурса колонизации, в контексте которого рефлексировался широкий круг собственно «сибирских» вопросов: политики населения в Сибири и сопредельных территориях, этноконфессионального состава участников колонизационного процесса, моделей имперского управления на окраинах.

Безусловно, ключевой в общественно-политическом дискурсе второй половины XIX – начале XX в. становится проблема «сибирского сепаратиз-

ма», непосредственно связанная с «политикой населения» и выяснением роли, значения и места иноэтничного фактора в колонизационном процессе. В результате в предметные рамки дискурса активно вплеталось обсуждение инородческого вопроса и перспектив его урегулирования.

В рамках областнической концепции А. П. Шаповым, Г. Н. Потаниным, Н. М. Ядринцевым [7; 8; 14; 16; 17] было сформулировано положение о складывании в условиях Сибири новой разновидности русского народа – «европейско-сибирского или великорусского инородческого типа», окончательно закрепленное в тезисе П. М. Головачёва о реальном существовании сибирской народности и ее особых свойствах [1, с. 145–146]. Прямым продуктом сибирской народности в дискурсе областников являлся старожил, ставший носителем измененной, преломленной на сибирской почве культуры. Сибиряки, по мнению исследователей дореволюционного периода, обладали теми отличительными свойствами, которые были свойственны всем колонистам в условиях осваиваемых регионов. По замечанию Н. М. Ядринцева, русский крестьянин «явился на Восток без всяких знаний... Положив основание повсюду будущей колонизации, он выполнил большую часть самой трудной работы и совершил половину исторической задачи. Едва ли можно отказать ему в героизме, но трудно также и не понять, что подобная борьба не отразилась на утрате многих высших, культурных свойств и не сделала это население более грубым и отсталым» [17, с. 100–101]. В подобной оценке старожильского типа Н. М. Ядринцев был не одинок. Приведем лишь наиболее распространенные суждения современников о свойствах характера и физическом облике сибиряка: «Ум... сибиряка гораздо менее развит и гибок, чем у какого-нибудь нижегородца или ярославца, зато он гораздо более преобладает над чувством... Холодно-рассудочная, практическая расчетливость сибиряков и преобладающая склонность к материалистическому взгляду на вещи проявляется и в языке... Сибиряки забыли не только вынесенную из России, но и собственную историю; войны, государственная жизнь не возбуждали здесь патриотизма...» [9, с. 227–229].

Примечательно, что в либеральной публицистике второй половины XIX – начала XX в. инородческий вопрос обсуждался в тесной связи с этнической лабильностью и высоким конвергентным потенциалом русского народа. П. Н. Буцинский восхищенно писал: «Русский человек легко ориентируется в каждой новой местности, умеет приспособиться ко всякой природе, способен перенести всякий климат и вместе с тем имеет способность ужиться со всякою народностью...» [Цит. по: 5, с. 127]. Народоволец С. М. Степняк-Кравчинский полагал, что «нет ни одного народа на Земном шаре, который столь добросердечно относился бы к чужеземцу, как русские мужики. Они мирно живут бок о бок с сотнями народностей, различных по расе и религии» [Цит. по: 5, с. 127–128].

Патерналистские императивы в политике Российского государства на окраинах, и в частности в Сибири и Степном крае, попытки предоставления инородцам самостоятельного обособленного управления являлись не случайными, поскольку уже ранний опыт русской колонизации региона показал

мощность воздействия инородческого фактора через территориальное соседство, смешанные браки и культурную миксацию. Основным аргументом национал-консерваторов – сторонников М. Н. Каткова становятся свидетельства правительственных чиновников, участников реализации колонизационной программы, сообразно с которыми в условиях мирного сосуществования с инородцами русский человек, оторвавшись от привычной социокультурной среды, необычайно легко поддавался чужому влиянию как положительного, так и отрицательного свойства. В этой связи возникало и множилось небезосновательное беспокойство, что, попав под влияние местного туземного населения, русский человек растеряет в Сибири свойственные ему национальные черты и привычки, отдалится от родины, утратит верноподданнические чувства. Свидетельства современников событий до некоторой степени подтверждали эти опасения. Писатель И. А. Гончаров в своих «Путевых письмах» говорил об «объякучивании» русских в Сибири, приморский военный губернатор П. В. Казакевич считал, что такое воздействие оказывают не только якуты, но и камчадалы, чьи привычки и образ жизни усваивают русские переселенцы [Цит. по: 10, с. 29].

В данном отношении Степной край, активно вовлекаемый в процесс имперского освоения со второй половины 1870-х гг., изначально позиционировался в представлениях власти и консервативного сегмента общественно-политического дискурса как регион русского доминирования, в котором роли субъектов колонизации должны были быть распределены изначально и с учетом имевшегося негативного опыта. Уже в стартовый период аграрной колонизации края устами представителей высшей региональной административной бюрократии были озвучены базовые подходы к устройству в Степном крае коренного населения, в основе которых лежали патерналистские установления. Во всеподданнейшем отчете военного губернатора Акмолинской области за 1876 г. прямо говорилось: «Осторожное водворение русских в означенной местности, с течением времени уравнило бы преобладающий в ней киргизско-мусульманский элемент, и не только не вызвало бы ни какого кризиса в пастушьем быту киргизов ... но, чтобы русские поселения действительно возникали сообразно объясненной цели, необходимо размещать их в обдуманном систематическом порядке...»¹

Данная идея в полной мере укладывалась в контекст уже сформировавшихся в имперском сознании убеждений, озвученных Ф. Г. Гернером: «Россия обладает в своих азиатских владениях свободными землями, на которые могут изливаться избытки сельского населения, не только не разрывая связи со своим отечеством, но служа... большому сплочению этих стран с Россией» [Цит. по: 2, с. 122].

Таким образом, аграрное переселение в Сибирь вообще и в Степной край в частности риторически включалось в идеологию «внутреннего империализма», а на стыке XIX–XX вв. стало рассматриваться задачей первостепенной государственной важности.

¹ Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 3. Главное управление Западной Сибири. Оп. 8. Д. 13315. Л. 561–562 об.

Характерно, что во второй половине XIX – начале XX в., когда переселенческое движение приобретает повсеместный характер, идея «присвоения» территорий и идентификации коренных народов в качестве «субалтернов» становится первоочередной на всех уровнях власти и общества.

Н. Г. Казнаков, вступая в должность генерал-губернатора Западной Сибири, во всеподданнейшем отчете за 1875 г. отмечал, что «положение степных областей требует особого внимания. Со времени принятия киргизами русского подданства успехи, сделанные ими в гражданственности, ничтожны... Доколе киргизы будут одиноко совершать в пустынных пространствах огромные орбиты своих кочевков, вдали от русского населения, они останутся верноподданными лишь по названию...»².

В программных установках правых партий находим: «Переселенец делает пользу не только себе и своей семье, но и всему русскому государству. Переселяясь в Сибирь, он увеличивает ее русское население и тем самым закрепляет Сибирь за Россией, усиливает и укрепляет оплот против желтого нашествия» [12, с. 11]. Миссионерский апломб в отношении Степного края точно зафиксировал в своей статье С. Пономарёв: «Невольно чувствуется близкое падение обособленности края; невольно прислушиваешься к родному великорусскому говору; невольно идешь в эту шумящую на разные лады толпу и видишь ликующие физиономии с печатью изумления пред веками нетронутыми полями, роскошной и сочной растительностью, перед тучными и обильными лугами, перед колосающейся высокой, рослой и наливной пшеницей» [6, с. 141]. Аргументируя свою правоту в процессе оседания на инородческих землях, переселенцы непременно оперировали миссионерским доводом: «Царь нас отпустил землю оглядеть, пахать ее, чтобы в волю было, а где земля то?» [Цит. по: 13, с. 169]. Исследователи взаимоотношений русского и инородческого населения Степного края верно отмечали: «Переселенческая масса смотрит на вольные киргизские земли как на свою собственность, омытую кровью дедов, а потому немудрено, что новоселы относятся к киргизам как к пасынкам» [Цит. по: 13, с. 157–159]. Имперские власти, столкнувшись в Степном крае с проблемой регулярной конфликтности, пытались предпринимать меры, направленные на предупреждение столкновений между переселенческим и инородческим населением. Однако эти решения, по сути дела, носили паллиативный и несистемный характер, растворяясь в общей программе аграрной колонизации, ориентированной на «присвоение» региона и включение его в общеимперское пространство. Так, во всеподданнейшем отчете военного губернатора Акмолинской области содержались сведения об устройстве в 1875 и 1876 гг. мужских и женских интернатов для коренного населения края, а также отданных распоряжениях об устройстве в мужских интернатах сельскохозяйственных ферм, где киргизские мальчики обучались бы хлебопашеству, огородничеству и разведению лесов. Однако цель, которую ставили перед собой организаторы, вряд ли могла в полной мере ликвидировать почву для

² ГИАОО. Ф. 3. Главное управление Западной Сибири. Оп. 8. Д. 13315. Л. 232.

возникновения конфликтных отношений: «...для проведения между киргизами русской цивилизации и сближения их с русскими... чтобы при помощи этих интернатов проводить в степях понятие о русском сельском хозяйстве»³.

Окончательное закрепление за инородческим населением Степного края статуса «субалтернов» происходит в конце 1880-х – начале 1900-х гг. в связи с систематизацией переселенческого движения, уничтожением традиционных потестарно-патриархальных институтов, утверждением законодательства, распространением территориальной, судебной и налоговой системы по российским лекалам. В этот период распространенный в дискурсе мотив «взросления киргизского населения» теряет свою идеологическую актуальность, уступая место представлениям о территориях, заселенных инородцами, как о «своих». В частности, акмолинский губернатор Ливенцов писал: «Между киргизами южных уездов издавна ведется хлебопашество примитивным способом, с водворением же крестьян из южных губерний Европейской России, киргизы начали усваивать лучшие способы земледелия и увеличивать свои запашки»⁴.

Подводя общие итоги, отметим, что в исследуемый период представления о коренных народах Сибири и Степного края формировались в контекстных границах общественно-политического дискурса, в центре которого располагались либеральные (учет интересов и традиций инородцев) и национал-консервативные (обеспечение безопасности империи путем усиленной русификации) подходы, выработанные еще в 1860–1870-х гг. Имперские власти центрального и регионального уровней, рефлексировавшие общественно-политические настроения, отдавали себе отчет в том, что в течение длительного исторического отрезка, когда практики аграрной колонизации не являлись массовыми, культуртрегерское влияние русских переселенцев на инородческое население было малопродуктивным, а зачастую имело обратный эффект. В такой ситуации имперское «оцентрирование» территорий Сибири и Степного края могло осуществляться только под лозунгом патерналистской опеки коренных народов. С активизацией переселенческого движения, ростом числа имперской бюрократии вырабатывалась новая концепция, воплотившаяся сначала в проект «взросления киргизского населения», а в начале XX в. – в осознание территорий Сибири и Степного края в качестве «своих», населенных подчиненными народами – «субалтернами» империи.

Список литературы

1. Головачёв П. М. Сибирь. Природа, люди, жизнь. М. : Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерева, 1902. 300 с.
2. Кауфман А. А. Переселение и колонизация: [С прил.]. СПб. : Обществ. польза, 1905. 334 с.
3. Ключевский В. О. Курс русской истории // Сочинения в 9 т. М. : Мысль, 1988. Ч. 1. 430 с.

³ ГИАОО. Ф. 3. Главное управление Западной Сибири. Оп. 8. Д. 13315. Л. 229–233 об.

⁴ Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 395. Л. 242.

4. *Леруа-Болье П.* Колонизация у новейших народов. СПб. : Обществ. польза, 1877. 526 с.
5. *Никитин Н. И.* Освоение Сибири в XVII в. М. : Просвещение, 1990. 144 с.
6. *Пономарёв С. О.* Лето среди переселенцев // *Вестн. Европы.* 1884. Т. 5. С. 136–148.
7. *Потанин Г. Н.* Областническая тенденция в Сибири. Томск : Паров. типо-лит. Сиб. товарищества печат. дела, 1907. 64 с.
8. *Потанин Г. Н.* Письма. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1987. Т. 1. С. 41–68.
9. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. СПб. : Изд-во А. Ф. Девриена, 1907. Т. 16. 591 с.
10. *Сибирь в составе Российской империи.* М. : Нов. лит. обозрение, 2007. 368 с.
11. Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России : сб. ст. / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М. : Нов. лит. обозрение, 2012. 960 с.
12. *Ухтубужский П.* Русский народ в Азии. I) Переселение в Сибирь. II) Желтая опасность / послесл. В. М. Пуришкевича. СПб. : Свет, 1913. 99 с.
13. *Чуркин М. К.* Взаимоотношения переселенцев и старожилов Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. в природно-географическом, социально-психологическом, этнопсихологическом аспектах : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2000. 239 с.
14. *Щапов А. П.* Историко-географические и этнографические заметки о сибирском населении // *Изв. ЗСОИРГО.* 1872. № 3. С. 108–121.
15. *Эткнд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М. : Нов. лит. обозрение, 2016. 448 с.
16. *Ядринцев Н. М.* Сборник избранных статей. Красноярск : Тип. Енисейск. губери. Союза кооперативов, 1919. 223 с.
17. *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск : Сиб. хронограф, 2003. 555 с.

Indigenous Population of Siberia and the Steppe Edge as the «Subalterns» of the Empire in the Social-Political Discourse of the Second Half of the XIX – the Beginning of the XX Century

M. K. Churkin

Omsk State Pedagogical University, Omsk

Abstract. The article reveals the content of the socio-political discourse of the colonization of the eastern outskirts of the empire, one of the central issues of which was the discussion of the status of the indigenous population. The recognition of the interests of the indigenous population was most fully represented in liberal journalism, and the ideas of the Russification of indigenous groups were defended in the writings of adherents of the national-conservative direction of discourse. The study found that the views of the authorities on indigenous peoples were formed in close connection with the course and real conditions of the “internal” colonization. The agrarian migration to Siberia and some regions of the Trans-Urals, especially to the steppe regions, rhetorically became part of the ideology of “internal imperialism” at the turn of the XIX and XX centuries and positioned as the main national task. In connection with the growth of mass agrarian migration, when resettlement becomes universal, the idea of «appropriating» territories and defining indigenous peoples as subordinates of an empire, transmitted by supporters of national conservatism, becomes a priority at all levels of the state.

Keywords: indigenous population, socio-political discourse, empire, internal colonization, «subalterns».

For citation: Churkin M.K. Indigenous Population of Siberia and the Steppe Edge as the «Subalterns» of the Empire in the Social-Political Discourse of the Second Half of the XIX – the Beginning of the XX Century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2019, vol. 27, pp. 27-35. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.27.27> (in Russian)

References

1. Golovachyov P.M. *Sibir. Priroda, lyudi, zhizn* [Siberia. Nature, people, life]. Moscow, I.N. Kushnerev Publ., 1902, 300 p. (in Russian)
2. Kaufman A.A. *Pereselenie i kolonizaciya* [Resettlement and colonization]. Saint-Petersburg, Obshchestvennaya polza Publ., 1905, 334 p. (in Russian)
3. Klyuchevskij V.O. *Kurs russkoj istorii. Sochineniya v 9 t. Ch. I* [The course of Russian history. Works in 9 vol. Vol. 1]. Moscow, Mysl Publ., 1988, 430 p. (in Russian)
4. Lerua-Bol'e P. *Kolonizaciya u novejsih narodov* [Colonization among the newest nations]. Saint-Petersburg, Obshchestvennaya polza Publ., 1877, 526 p. (in Russian)
5. Nikitin N.I. *Osvoenie Sibiri v XVII v.* [The development of Siberia in the XVII century]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1990, 144 p. (in Russian)
6. Ponomaryov S.O. *Leto sredi pereselencev* [Summer among immigrants]. *Vestnik Evropy* [European Herald], 1884, vol. 5, pp. 136-148. (in Russian)
7. Potanin G.N. *Oblastnicheskaya tendenciya v Sibiri* [Regional tendency in Siberia]. Tomsk, Parovaya tipo-litografiya Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela Publ., 1907, 64 p. (in Russian)
8. Potanin G.N. *Pisma. T. I* [Letters. Vol. 1]. Irkutsk, Irkutsk Universitet Publ., 1987, pp. 41-68. (in Russian)
9. *Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva. Nastolnaya i dorozhnaya kniga dlya russkih lyudej* [Russia. Full geographical description of our Fatherland. Desktop and road book for Russian people]. Saint-Petersburg, A.F. Devriena Publ., 1907, vol. 16, 591 p. (in Russian)
10. *Sibir' v sostave Rossijskoj imperii* [Siberia as part of the Russian Empire]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007, 368 p. (in Russian)
11. *Tam, vnutri. Praktiki vnutrennej kolonizacii v kul'turnoj istorii Rossii. Sb. st.* [There inside. The practice of internal colonization in the cultural history of Russian]. Ed. A. Etkind, D. Uffel'mann, I. Kukulin. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, 960 p. (in Russian)
12. Uhtubuzhskij P. *Russkij narod v Azii. I) Pereselenie v Sibir'. II) Zhyoltaya opasnost' / S poslesloviem V.M.Purishkevicha* [Russian people in Asia. I) Relocation to Siberia. II) Yellow peril / With the afterword of V.M.Purishkevich]. Saint-Petersburg, Svet Publ., 1913, 99 p. (in Russian)
13. Churkin M.K. *Vzaimootnosheniya pereselencev i starozhilov Zapadnoj Sibiri v konce XIX – nachale XX v. v prirodno-geograficheskom, social'no-psihologicheskom, ehtnopsihologicheskom aspektah* [Mutual relations between immigrants and old-timers of Western Siberia at the end of the XIX th – early XX th centuries in natural-geographical, socio-psychological, ethno-psychological aspects. Candidate's thesis]. Omsk, 2000, 239 p. (in Russian)
14. Shchapov A.P. *Istoriko-geograficheskie i ehtnograficheskie zametki o sibirskom nase-lenii* [Historical, geographical and ethnographic notes about the Russian population]. *Izvestiya ZSOIRGO* [News ZSOIRGO], 1872, no 3, pp. 108-121. (in Russian)
15. Etkind A. *Vnutrennyaya kolonizaciya. Imperskij opyt Rossii* [Internal colonization. Imperial experience of Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016, 448 p. (in Russian)
16. Yadrincev N.M. *Sbornik izbrannyh statej* [Collection of selected articles]. Krasnoyarsk, Enisejsk. Gub. Soyuz kooperativov Publ., 1919, 223 p. (in Russian)

17. Yadrincev N.M. *Sibir kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii* [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms]. Novosibirsk, Sibirskij Hronograf Publ., 2003, 555 p. (in Russian)

Чуркин Михаил Константинович

доктор исторических наук, профессор
кафедра отечественной истории
Омский государственный педагогический
университет
Россия, 664099, г. Омск, набережная
Тухачевского, 14
тел.: 8(381)23-55-45
e-mail: proffchurkin@yandex.ru

Churkin Mikhail Konstantinovich

Doctor of Sciences (History), Professor
Department of National History
Omsk State Pedagogical University
14, Tukhachevsky emb., Omsk, 644099,
Russian Federation
tel.: 8(381)23-55-45
e-mail: proffchurkin@yandex.ru